

Анализ этнических названий: к проблеме происхождения народов низовьев Амура и Сахалина

Анатолий Фёдорович Старцев,

доктор исторических наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего востока ДВО РАН, Владивосток.

E-mail: starcev.42@mail.ru

В статье анализируется история вхождения в этнографическую литературу терминов *ольчи*, *ульчи* и *ульта*, зафиксированных отечественными этнографами во второй половине XIX — начале XX в. Эти этнонимы часто употребляются с союзом «или», приравнивающим их. Исследователи считают, что вышеперечисленные названия представляют собой один и тот же этноним, но только в изменённом звучании, и обозначают ороков Сахалина. В советской и постсоветской этнографической науке традиционно принято связывать этимологию терминов то с орокскими словами «аля, уля» (домашний олень), имеющими конечное значение «оленеводы»; то со словом «ули» (вода) — «речные жители или поречане»; то с названием причёски «олча» — «люди с однокосой причёской». Существовали и другие предположения о связи терминов со словами, обозначающими животных или рыбу. Однако этимологию этнонимов нужно выводить не из собственно орокских слов, а из топонимов той местности, откуда пришли предки сахалинских ороков. Глубокий анализ таких этнических названий выявил связь с местными топонимами орочей и охотских эвенов, а именно с ойконимами *Ультур*, *Ульда* и гидронимами *Ольчан* и *Ульчен*, от которых и образовались экзоэтнонимы *ульта*, *ольча* и *ульча*. Кроме того, эти этнические имена не относятся к одному слову, как предполагали исследователи XIX—XXI вв., а являются названиями разных субэтнических групп ороков Сахалина.

Ключевые слова: этнос, этноним, ольча, ульча, ульта, культура, традиция, этногенез, Нижний Амур, Сахалин.

Analysis of ethnical names: on the origin problem of peoples in the Lower-Reach Amur and on Sakhalin.

Anatoliy Starcev, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: starcev.42@mail.ru

The paper analyzes the history of terms *olchi*, *ulchi* and *ul'ta* introduced in the ethnographical literature and registered by Russian ethnographers in the second half of the 19th and early 20th century. These ethnonyms are frequently used with conjunction *or* equating them. Researchers believe that the above-said names are one

and the same ethnonym with changed pronunciation denoting the Sakhalin Oroks. In Soviet and post-Soviet ethnography, their etymology has been traditionally connected now with Orok words *alya*, *ulya* (domestic reindeer) having final meaning *reindeer breeders*, then with word *uli* (water): *river*, or *river country*, *inhabitants*; then with *olcha*, a hairdo name: *people with one braid*. Also other assumptions were made connected with animals and fish. But ethnonyms' etymology should be deduced not from the very Orok words and animal names but from place names of the region where the ancestry of Sakhalin Oroks came from. In-depth analysis of their ethnical names revealed a connection with local place names of Orochs and Okhotsk Evens, namely, with oconyms *Ultur*, *Ulda* and hydronyms *Olchan* and *Ulchen* from which exoethnonyms *ul'ta*, *olcha* and *ulcha* were derived. In addition, these ethnical names do not apply to one word as researchers of the 19th and 20th century believed but are names of different sub-ethnic groups of Sakhalin Oroks.

Key words: ethnicity, ethnonym, olcha, ulcha, ulta, culture, tradition, ethnogenesis, Lower Reach of Amur, Sakhalin.

Рассматривая названия и самоназвания народов Нижнего Амура и Сахалина, невольно отмечаешь, что у многих отечественных этнографов такие этнонимы, как *мангуны* и *ольчи*, *ольчи* и *ороки*, *ороки* и *ульча*, *ульчи* и *ульты*¹, *мангуны* и *ульчи* и другие их сочетания употребляются в качестве полных синонимов.

Известно, что замена одного этнонима другим происходит только в случаях, когда:

- вместо исконного самоназвания используется экзоним — название, данное соседними этносами;
- один и тот же этноним фиксируется в документах или литературе в разном написании;
- вместо этноса, прекратившего своё функционирование, на историческую арену выходит другой народ с новым этническим именем;
- этнос разделяется на несколько частей, и некоторые из них в процессе своего развития приобретают новое имя.

Замена одного этнического имени другим — редкое явление, но если такой феномен в жизни народа произошёл, то это свидетельствует о значительных социально-экономических, политических или этнокультурных изменениях, повлиявших на общее развитие этноса. В качестве наглядного примера рассмотрим историю появления этнических названий *мангуны*, *ольчи* и *ороки*, а также современных этнонимов *ульчи* и *ульты*,

¹ Исходя из того, что все филологи-тунгусоведы (Т.И. Петрова, Л.И. Сем, М.М. Хасанова, А.М. Певнов и др.) преимущественно употребляют этноним *ульта* для ороков Сахалина, а не *ульта*, как это делают не филологи, я тоже использую термин *ульта* для ороков. Более того, считаю допустимым, что этноним *ульта* можно склонять по падежам, как и все остальные этнические названия народов Дальнего Востока России. Кроме этого, мужчина должен обозначаться словом «ульг», а женщина — «ульгинка».

которыми в XIX—XX вв. обозначались жители низовьев Амура и Сахалина. Первые два названия (*мангуны*, или *ольчи*) сохранились только в этнографической литературе, экзоним *ороки* иногда употребляется в бытовой речи, а два последних этнонима — *ульчи* и *ульты* — используются не только в научной литературе и бытовой речи, но и в документах.

Отечественные историографы с 1930-х гг. (под влиянием исследований Л.Я. Штернберга) считают, что во второй половине XIX в. Л.И. Шренк необоснованно ввёл в этнографическую литературу этнонимы *ольчи* и *ороки*. Исследуя этнический состав населения Нижнего Амура, побережья Татарского пролива и Сахалина, Л.Я. Штернберг заявил, что Л.И. Шренк, не разобравшись в номенклатуре этнических самоназваний, только из своих личных соображений «...для коренного тунгусского народа, живущего на Сахалине... ввёл совершенно новое название ороко; для такого же племени, оседло живущего в низовьях Амура между гиляками и гольдами, название — ольча» [40, с. 6]. Опираясь на свои полевые материалы, Л.Я. Штернберг утверждал, что у ольчей и ороков имеется общее самоназвание *нани*. Исходя из этого, на страницах своего труда он часто использовал выражения «шренковские ороки» и «шренковские ольчи» [40, с. 6, 8], подчёркивая ошибку другого исследователя в определении названий этих народов.

Вслед за Л.Я. Штернбергом с утверждением, что в этнографическую литературу термин *ульчи* или *ольчи* ввёл Шренк, выступили А.М. Золотарёв [6, с. 33], А.В. Смоляк [28, с. 33] и др. А.В. Смоляк, выражая солидарность с Л.Я. Штернбергом, в монографии «Ульчи» показала, как Л.И. Шренк «орокское самоназвание ольча, ульча... неправомерно распространил на всех ульчей» низовьев Амура [30, с. 13], а в более поздней публикации проследила, как Шренк постепенно вводил в этнографическую литературу термин *ольчи*: «Л.И. Шренк первоначально... называл ороков ороками, а амурских мангунов — мангунами, но в процессе длительной работы над своим трудом (видимо, под влиянием литературы)² переменял точку зрения и в нём уже везде мангунов называл ольчами» [31, с. 64].

Исследователи XXI в., изучая ульчей Нижнего Амура и ороков Сахалина, продолжают утверждать, что в этнографическую литературу «Л.И. Шренк ввёл этноним ольчи, считая их родственными с уйльта и ольча (ороками)» [19, с. 137]. К сожалению, их мысль не совсем понятна. Из неё вытекает вывод, что уйльта и ольча (ороки) относятся или к разным народам, или к разным этническим группам — субэтносам. Однако хотелось бы знать, на какой странице своего труда Л.И. Шренк писал, что ольчи и уйльта являются родственниками и какое учёный имеет отношение к публикации этнонима *уйльта*?

² А.В. Смоляк почему-то критически относится к тому, что Шренк в своём труде использовал мнения и материалы других исследователей. На мой взгляд, Шренк поступил как настоящий учёный. Было бы методологически неверно как раз не учитывать работы предшественников.

При всём уважении к отечественным исследователям разных поколений, поддерживающим мнение Л.Я. Штернберга, что Шренк необоснованно ввёл в этнографическую литературу этноним *ольчи*, следует сказать, что впервые этот этноним появился у А. Брылкина. В 1864 г. он писал, что орокэсы — это «...тунгусы из племени олоча. Их язык, нравы и обычаи совершенно те же, как у амурских мангунов. Аины называют их орохко (откуда, вероятно, Орокэсы)» [23, с. 21]. Вслед за Брылкиным это этническое имя называет географ П.П. Семёнов (впоследствии известный под фамилией Семёнов-Тян-Шанский). В 1867 г. в небольшом справочном материале о народах низовьев Амура он писал: «...сами себя мангуны иногда называют ольча» [18, с. 165]. В 1868 г. сочетание этнических названий мангуны (олча) появляется в работе Ф.Б. Шмидта, а название *ольча* — в исследовании П.П. Глена [7, с. 44, 75, 98—99]. И только в 1883 г. название *ольчи* фиксируется в труде Л.И. Шренка. В его трёхтомнике «Об инородцах Амурского края» слова «ульчи» и «уйльта» вообще не упоминаются, поэтому Шренк не мог говорить и писать, что ороки представляют собой часть ульчей, а ульчи — это мангуны, что ольчи — это ульчи и т.п.

Автор данной статьи ставит перед собой цель — провести всесторонний анализ вышеотмеченных этнических названий и выяснить:

- кто впервые ввёл в этнографическую литературу этноним *ульчи* и какой народ использовал этот термин в качестве самоназвания;
- когда это название стало использоваться для обозначения современного населения низовьев Амура;
- в каком соотношении находятся такие понятия, как *ольчи* и *ульчи*, *ульчи* и *ороки*, *ульчи* и *ульты* и другие комбинации этнических названий народов низовьев Амура и Сахалина.

Впервые этноним *ульча* как самоназвание ороков появился в работе И.С. Полякова, проводившего исследования на Сахалине в 1881—1882 гг. [24, с. 81]. Затем он переключался в работу С.К. Патканова, в которой отмечено, что *ольчи* и *мангуны* — это название населения низовьев Амура, находящегося в близком родстве с ороками Сахалина [21, с. 119]. «Сами ороки, — писал С.К. Патканов, со ссылкой на Полякова, — называют себя *ульча* (т.е. „ольчами“» [21, с. 132].

До С.К. Патканова никто из исследователей не публиковал этническое название *ульчи* с таким пояснением, заключённым в скобки. На мой взгляд, этническое сочетание этнонимов «ульчи (т.е. ольчи)», в одном случае употреблявшееся для ороков, а в другом — для мангунов, жителей низовьев Амура, С.К. Патканов позаимствовал у Л.Я. Штернберга, консультировавшего его при написании книги «Опыт географии и статистики тунгусских племён» [21, с. 81, 122]. В опубликованных работах Л.Я. Штернберг не употреблял сочетание этнонимов в таком порядке, но их нетрудно было воспринять из его рассуждений о самоназваниях народов низовьев Амура и Сахалина. «Начну с истории вопроса, — писал Л.Я. Штернберг. — Обезжая в 1891 г. территории так называемых ороков

на Сахалине, я от них слышал троякого рода самоназвание. При первых встречах они называли себя просто орофонами, то есть так, как их зовут русские. Впоследствии, когда я стал допытываться, как будет орофон на их языке, они стали называть себя ульча и ольча, то есть так, как их называют их соседи и единомышленники-тунгусы, а также и их единоплеменники на Амуре. Лучше сказать, слово ульча явилось буквально переводом на их язык слова орофон, так как слово орон, которое у других тунгусских племён означает олень, на языке ороков звучит аля, уля, а отсюда ольча, ульча» [40, с. 396].

В. Глуздовский в 1907 г. тоже под *ольчами* подразумевал мангунов. Он отмечал, что ороки, являясь ближайшими родственниками ольчей, сами себя называли этнонимом *ульчи* (т.е. «ольчами») [5, с. 84—85]. И.А. Лопатин, занимаясь изучением гольдов низовьев Амура, в 1922 г. говорил о различиях между гольдами и ольчами, но ольчей и мангунов относил к одному народу [16, с. 16—18, 20]. В 1925 г. А.Н. Липский при подготовке первого туземного съезда Дальневосточного округа во вступительной статье «Краткий обзор маньчжуро-тунгусских племён бассейна Амура» для бывших мангунов низовьев Амура, известных под этническим названием *ольчи*, использовал экзоним *ульча*, поясняя, что это те же самые ольчи, но в новом написании. Он также заметил: «Ульча, помимо этого самоназвания, называют себя ещё и общераспространённым именем на-най... и мангу-най, т.е. этого места человек или амурский человек» [15, с. XLIII, XLV].

Анализ материалов об ороках Сахалина свидетельствует: многие исследователи считают, что *ольчи* и *мангуны* относятся к одному народу, а *ороки* — это те же ольчи, несколько веков тому назад переселившиеся на Сахалин. Однако И.С. Поляков, С.К. Патканов и В. Глуздовский обоснованно заявляют, что ороки сами себя называют этнонимом *ульча*, а Липский (неизвестно почему) *ульчами* назвал *мангунов*, и никто из отечественных исследователей не выступил против этого.

С А. Липским не спорил даже Л.Я. Штернберг, хотя он критиковал Л.И. Шренка лишь за то, что тот в своей работе назвал мангунов ольчами [40, с. 8, 400] или так называемыми ульчами, как это сделал А. Липский.

В дальнейшем исследователи, продолжавшие изучение сахалинских ороков и ольчей, тоже не подвергали критике А. Липского, а, наоборот, оправдывая его, поясняли, что он называл бывших мангунов ульчами под влиянием этнографической литературы XIX в. [32, с. 35—36], хотя в ней признаётся, что этноним *ульча* был самоназванием ороков Сахалина, а не амурских мангунов. Это этнографическое несоответствие не получило никакого освещения в науке и в постсоветский период по банальной причине: никто из исследователей не обратил на него внимания.

Использование термина в звучании *ульча* Липский объясняет тем, что это слово является новым написанием вместо старого названия *ольчи* [15, с. XLIII], но где и когда было принято решение о замене одного этнонима другим, исследователь не уточняет.

Исходя из этого, мы расширяем свою задачу и ищем источник, который пролил бы свет на вопрос, кто и когда решил заменить название *ольчи* на этноним *ульчи*? В материалах интернета³ есть десятки страниц, с информацией о том, что в 1926 г. вместо устаревших названий, используемых для мангунов и ольчей, было принято *ульчи*, которое в настоящее время утвердилось за этим народом как официальное самоназвание. В научной литературе также отмечается, что этноним *ульчи* регулярно используется в разных материалах с 1926 г., когда ВЦИК специальным декретом «Об учреждении временного положения об управлении туземных народностей и племён северных окраин РСФСР» впервые выделил 26 коренных малочисленных народов, среди которых значатся и ульчи.

На страницах этого декрета действительно опубликован перечень коренных народов Севера. В разделе «Общие положения» отмечаются почти все малочисленные этносы Дальнего Востока, среди которых упоминаются ораки, гольды, ольчи... и др., но только не этноним *ульчи* [3, с. 26].

В 1928 г. В.К. Арсеньев и Е.И. Титов в совместной книге о народах Дальнего Востока, отмечая родственные отношения сахалинских ороков с мангунами, продолжают называть последних *ольчами* [1, с. 42, 45]. Но с 1929 г. в научных публикациях, переписях, документах, периодической печати и других материалах жителей низовьев Амура нани-мангунов именуют *ульчами* [38, с. 5]. Так с лёгкой подачи А.Н. Липского и молчаливого согласия Л.Я. Штернберга население низовьев Амура стало называться чуждым для него термином.

В 1947 г. ульчи спрашивали у А.В. Смоляк, почему им дали название *ульчи*, если оно не характерно для народа, проживавшего в низовьях Амура [31, с. 36]. У А.В. Смоляк не было оснований подвергать сомнению объективность этнографических исследований и политику советской власти, направленную на социально-экономическое и культурное развитие народов Севера, поэтому она не смогла объяснить, почему закрепили именно этот этноним, а не оставили название «мангуны», как предлагал Л.Я. Штернберг [40, с. 400].

В 1928 г. Б.А. Васильев у ороков Сахалина фиксирует этноним *ульта*, близкий по своему звучанию, как он считает, к названию *ульча*. По мнению исследователя, орокские самоназвания *ульча* и *ульта* обладают определённой идентичностью, как и известные этнонимы с пояснением, заключённым в скобки, и с союзом «или». Зная из работ предшественников, что ольчи — это ороки (Л.Я. Штернберг), ороки — это ульчи (И.С. Поляков), ульчи — это ольчи (А.Н. Липский), Б.А. Васильев решил, что в этот ряд можно вписать «ульча — это ульта». Однако, чувствуя шаткость своего мнения, учёный пытается найти объективное объяснение, почему вместо самоназвания *ульча* он у ороков зафиксировал этноним *ульта*? «В самоназвании ороков „ульта“, — пишет исследователь, — звук [т] произносится в этом слове ясно, но вообще в языке

³ См. через поисковые системы «ульчи 1926».

ороков звуки [т] и [ч] очень близки и часто переходят друг в друга. Таким образом, самоназвание ороков „ульча“, приводимое Поляковым, близко к приводимому мной» [2, с. 5].

К сожалению, Б.А. Васильев не поясняет, когда и в каком случае звуки [т] и [ч] переходят друг в друга, поэтому его вывод о близости самоназваний *ульча* и *ульта* не совсем верен. Хотелось бы узнать, почему в одних и тех же местах Северного Сахалина у ороков П.П. Глен, например, в 1862 г. фиксирует название *ольчи*, И.С. Поляков в 1883 г. — самоназвание *ульча*, а в 1928 г. Б.А. Васильев — этноним *ульта*?

На мой взгляд, Б.А. Васильев неспроста привёл слова о близости разных звучаний этнонимов *ульча* и *ульта* в самоназваниях ороков Сахалина. Он столкнулся с фактом наличия в составе одного народа субэтнических групп, имевших разные самоназвания. В то время теория этноса ещё не получила распространение среди отечественных этнографов, а о существовании субэтнических групп в составе одного народа стало известно только из исследований Ю.В. Бромлея в 70-е гг. XX в. Столкнувшись с разными самоназваниями у одного и того же народа, Б.А. Васильев не смог объяснить их одновременное существование. Этот факт он зафиксировал в своём выводе для будущих исследователей. К аналогичной мысли, на мой взгляд, пришла и Т.И. Петрова. Иначе, почему она противопоставляет один этноним другому: «...этимология слова *ул'ta* ~ *ул'ч'ta* (как и ульча) неясна» [22, с. 6]? По её словам, получается, что у ороков два этнонима: один из них *ул'ta* или *ул'ч'ta*, а другой — *ульча*.

В 1967 г. Т.И. Петрова сообщает: «Самоназвание „ульта“ известно уже давно. Ещё Ф. Шмидт и П. Глен упоминают ороков под этим именем. Такое самоназвание послужило Ф. Шмидту основанием к отождествлению ороков с ульчами (по транскрипции Шмидта *olca, oltsha*)» [22, с. 6].

Из-за отсутствия дополнительных сведений в книге Т.И. Петровой трудно понять, каким образом «...самоназвание „ульта“... послужило Ф. Шмидту основанием к отождествлению ороков с ульчами (по транскрипции Шмидта *olca, oltsha*)». К сожалению, также не указано, в каких трудах Ф. Шмидта и П. Глена зафиксировано самоназвание ороков *ульта*. В опубликованных работах этих авторов, посвящённых исследованиям Сахалина, мне не удалось найти этноним *ульта* и название ульчей в форме слов *olca, oltsha*.

Л.И. Шренк в своей монографии «Об инородцах Амурского края» называет работы П. Глена и Ф. Шмидта, но изданные только на немецком языке. Возможно, на эти публикации и ссылалась Т.И. Петрова, когда писала о самоназвании ороков. А может быть, она опиралась даже не на публикацию ботаника Ф.Б. Шмидта, а на исследование филолога П.П. Шмидта, который свои материалы об ольчах низовьев Амура сосредоточил в специальном издании «Язык ольчей» [41]. Как теперь разобраться, у какого Шмидта в публикации есть слово «ульта»?

В исследованиях А.В. Смоляк тоже имеются ссылки на П.П. Глена. В одной из своих статей она утверждает: «Глену... было известно самоназвание

ороков⁴ — ульча, ульча, которое он приводит в форме „ольча“» [28, с. 36]. В другой работе, посвящённой этногенезу ороков, также ссылаясь на Глена, А.В. Смоляк указывает даже на конкретные страницы его исследования (с. 98—99)⁵, на которых якобы написано, что ороки сами себя называют *ульта*, *ульча*, *уйльта* [31, с. 64]. Ещё в одной статье того же года (и опять со ссылкой на П. Глена) говорится, что самоназвание ороков — *ольчи* [32, с. 46, 64]. Таким образом, исследования А.В. Смоляк не позволяют понять, какое же было самоназвание у ороков: *ульта*, *ульча*, *уйльта* или *ольчи*?

Такая информация автора об одном и том же предмете исследования, естественно, требует проверки. Самые тщательные поиски самоназваний ороков Сахалина на всех страницах работы П.П. Глена [7] не увенчались успехом. Сам Шренк об этом писал: «Глен... всюду в своём сочинении называет ороков ольчами» [39, с. 19]. Иначе говоря, мы сталкиваемся с *необъяснимым* фактом, когда желаемое выдаётся за действительное. Ф.Б. Шмидт и П.П. Глен в своих трудах никогда ороков Сахалина не называли этнонимами *ульча* и *ульта*⁶.

Двойственное отношение к самоназваниям жителей низовий Амура и о-ва Сахалин наблюдается и у Л.Я. Штернберга, который, рассматривая проблему самоназвания ороков Сахалина, особо подчёркивает: «...Сами ороки перед чужими, на вопрос о народности, часто называют себя тоже ольча или ульча» [40, с. 8]. К сожалению, уже невозможно выяснить у самого Штернберга, почему ороки в одном случае называли себя *ольча*, а в другом — *ульча* [40, с. 9, 400] и почему некоторые исследователи в статьях и книгах употребляют этноним *ульча* с заключённым в скобки пояснением: (т.е. «ольчами»).

В советской и постсоветской этнографической науке традиционно сложилось, что при исследовании этногенеза ороков Сахалина их этимологию связывают с тунгусским словом «орон» (лингвистическое толкование Л.И. Шренка) или с орокскими словами «ая, уля» (этимологизация Л.Я. Штернберга). Во всех этнографических работах советского и постсоветского периодов, касающихся изучения проблемы этногенеза ороков Сахалина, наблюдается положительное восприятие этих методологических подходов, потому что у Шренка и Штернберга они хорошо обоснованы и, на первый взгляд, соответствуют действительности.

Глубокий анализ материалов по этногенезу ороков показывает, что Л.Я. Штернберг, занимаясь определением этимологии этнонимов *ольчи* и *ульчи*, допустил методологическую ошибку: этимология этнонимов

⁴ А.В. Смоляк в статье о самоназвании ороков делает ссылку: Ф Шмидт и Глен. Труды Сибирской экспедиции. СПб. 1868. При этом нет названия работы и не указываются страницы с информацией о самоназвании ороков.

⁵ В ссылке А.В. Смоляк пишет: «Впервые установлено П.П. Гленом. Отчёт о путешествии на Сахалин. „Труды Сибирской экспедиции“, т. I. СПб, 1868, стр. 98, 99».

⁶ Возможно, я искал материал не в тех источниках: может быть, существуют другие публикации, известные только Т.И. Петровой и А.В. Смоляк, в которых упоминаются заветные этнонимы.

выводится не из орокских слов «аля», «уля» и т.д., а из названий той местности, откуда могли появиться предки ороков Сахалина.

В этнографической науке давно доказано, что этнические имена тех или иных родовых подразделений и даже названия народов (за редким исключением) связываются с территорией обитания людей, чаще всего — с местными топонимами: гидронимами, ойконимами, оронимами. Это же доказывает изучение этнонимов Дальнего Востока и Северной Америки. Тот факт, что существуют экзонимы орочей, орочонов, ороков, ольчей и др. в значении «оленеводы», свидетельствует, что эти названия привнесены другими этносами, для которых оленеводство являлось необычной хозяйственной деятельностью. Сами же оленеводы, встретив человека, всегда спросят, как называется местность, откуда он пришёл. В противном случае в крае были бы этнические названия не только оленеводов, но и охотников, рыболовов, собирателей и др., а в Маньчжурии, откуда в Приамурье появился экзоним со значением «оленевод», а также в Бурятии, Якутии, Монголии должны быть этнонимы со значением «коневоды», но их там почему-то не наблюдается. Считаю, что в условиях первобытности, кочевого образа жизни, отсутствия каких-либо паспортных данных, по которым можно было бы быстро найти человека, значительную роль играло этническое название, связанное с конкретной территорией обитания, а в ряде случаев — с именем основателя рода того или иного народа.

Номинация напрямую зависит от географических названий, это очевидно. Например, негидальцы своё происхождение связывают с озером Нейдаль, рекой и селением Негда; родовые названия Акунка, Мулинка, Моуданка и Хутунка у орочей произошли от притоков Тумнина — рек Акур, Мули, Моуду и Хуту [9, с. 195]. У эвенов Магаданской области от слова «нам» (море) образовалось название *нәмьнкънъл* — приморские (жители побережья моря), от слова «дѳнръ» — материк (глубинная часть континента) — появилось слово «дѳнръткънър» со значением «таёжно-глубинные» или «жители глубин материка» [25, с. 6—7] и т.д. Аналогичный принцип номинации наблюдается у удэгейцев, нанайцев и других народов Дальнего Востока. Этнические названия *ольчи*, *ульчи*, *ульты* и др., на мой взгляд, тоже связаны с территорией обитания предков, однако по этнониму определить её очень трудно: необходимо знать конкретную этимологию этнического имени. Объективный перевод мог бы подсказать, откуда, например, *ольчи*, *ульчи* или *ульты* пришли в низовья Амура, а затем переселились на Сахалин.

Поисками оптимального перевода этих этнонимов занимались С.М. Широкогоров, П.П. Шмидт, Ю.А. Сем [26, с. 81], Г.М. Василевич, А.Н. Липский и др. В определении этимологии этнонима *ульча* наибольшего внимания заслуживает концепция А.Н. Липского, который разобрал термин по морфемам, выделив основную морфему «ула-» (большая река) и суффиксальную «-ча» (название жителя данной местности). Исходя из этого, исследователь считал, что термин *ульч* обозначает «поречане» [15, с. XLV].

А.М. Золотарёв не согласился с Липским. Исходя из того, что звук [л] в слове «ула» звучит твёрдо, а в слове «ульча» — мягко, он пришёл к выводу, что в них разные корневые основы, и, следовательно, связывать происхождение этих слов нельзя. Учёный опирается на Т.И. Петрову, утверждавшую, что слово «ульча» вообще не относится к ульчскому языку, поэтому его расшифровка должна производиться при помощи не ульчских корней, «а корней того языка, от которого пошло это слово» [6, с. 34]. А.М. Золотарёв считал, что этимологию *ульча* следует искать в тунгусских и ламутских языках, в которых имеются термины *олдо*, *олло*, *ола* (рыба). Отмеченная терминология слова «рыба» полностью соответствует ольско-арманским эвенам и чумиканским эвенкам [34, с. 14]. «Можно допустить, что термин „ольча“, — предполагает А.М. Золотарёв, — образовался из древнего тунгусо-маньчжурского слова „оль“ — рыба и суффикса принадлежности *-ча*, что означает „рыбные люди“, „рыболовы“ — естественное обозначение, которое оленеводы или охотники тунгусы дали прибрежным жителям Амура» [6, с. 34—35]. На мой взгляд, предположение Золотарёва в какой-то мере подтверждается материалами Е.А. Крейновича, У.Г. Поповой, В.А. Туголукова и других исследователей.

Е.А. Крейнович, занимаясь историей заселения Охотского побережья, отмечал, что орочи-олeneводы в поисках хороших пастбищ подошли к морю и остановились в устье реки. «Один их товарищ, заглянув в реку, увидел очень много рыбы. Тотчас же крикнул, позвал своих товарищей: *ола* (т.е. рыба)» [8, с. 191]. Оленеводы настолько увлеклись добычей рыбы, что забыли даже о своих оленях, а когда вспомнили и стали их искать — не нашли ни одного. Потеряв оленей, они стали жить оседло на реке, которую с тех пор называют Олой [37, с. 20]. Вскоре к ним прикочевали другие сородичи и поселились в местечке, известном в наши дни под названием Армань. Е.А. Крейнович считает, что арманские и ольские эвены обосновались на севере Охотского побережья 300—500 лет тому назад. «Современные языковые материалы дают основание говорить о том, что, по-видимому, были две волны орочей, вышедших на Охотское побережье в разное время. Наиболее ранняя волна была представлена эвенами, именуемыми в настоящее время мыны (*мэнэ*). Особенности их языка наиболее отчётливо представлены у обитателей Армани» [8, с. 189, 193]. Вторая волна эвенов, обосновавшаяся на Охотском побережье, назвала себя *орочел*, т.е. оленные [8, с. 197].

В Охотском районе в конце 20-х — начале 30-х гг. XX в. начали проводиться первые мероприятия по советскому строительству среди коренных народов Дальнего Востока, и все ламуты (*мэнэл* — «оседлые» и *бръч* — «оленные») приняли самоназвание *эвены*, «...однако в обиходе называют себя *брочел*, а своих охотских соплеменников, которых они считают близкими себе, — *эвысыл*» [25, с. 6].

М.Г. Левин отмечал: «Самоназвание „эвен“ (мн. ч. „эвесэл“) известно в Охотском районе Хабаровского края до р. Улья на юге» [10, с. 84], где, по определению исследователя, предки арманских и ольчских жителей

в XVII—XVIII вв. относились к «пешим тунгусам» [13, с. 199—200]. Исследования В.А. Туголукова показывают, что часть «пеших тунгусов» Охотского побережья в поисках хороших пастбищ и охотничьих угодий несколько веков тому назад оказалась в низовьях Амура, где началось активное смешение местного и пришлого населения [37, с. 37, 39, 42, 44—46].

Очевидно, ламуты — «охотские эвены» — небольшими группами появлялись в районе низовий Амура и в более поздние времена, о чём и свидетельствуют исследования К.Я. Лукса. При подготовке материалов по кооперативному районированию в низовьях Амура в 1928 г. К.Я. Лукс отмечал, что в верховьях Амгуни и в районе озёр Орель и Чля обитала небольшая группа эвенов, известная под названием *тывлинских тунгусов*. Они создали Тывлинский эвенский туземный совет, в состав которого вошли поселения Тывлин, Орель, Мырген и Чуринский прииск, относящиеся административно к Амуро-гилякскому туземному району [17, с. 85].

В связи с тем, что в настоящее время в районе низовьев Амура эвенов почти не наблюдается, предвижу скептическую реплику, что это были не эвены, а эвенки. Однако К.Я. Лукс ошибиться не мог, потому что перед исследованием населения низовьев Амура он с сентября 1928 г. работал в окрестностях бухты Нагаева Ольского района с тунгусами, называвшими себя эвенами. Изучив территорию их экономических интересов, К.Я. Лукс предложил Ольскому райисполкому организовать в районе 11 национальных советов, территориально тяготеющих к бухте Нагаева, где была организована культбаза. У.Г. Попова, изучая эвенов Магаданской области, подтвердила, что самоназвание *эвен* с конца 1920-х гг. стало общим этническим названием *ламутов*, дореволюционных *восточных тунгусов* и *орочел* Охотско-Колымского края [25, с. 6]. Работая с аборигенами Амура и хорошо зная эвенов, К.Я. Лукс чётко отличал их от негидальцев и других тунгусов [17, с. 85]. В ходе этнокультурных контактов с местным населением пришлые тунгусы в низовьях Амура изменили не только свою материальную культуру, язык и антропологический облик, но и самосознание, выразившееся в этнонимах *негда*, *ольчи*, *ульчи* и др.

Прошлые этнические контакты и физические связи между Охотскими тунгусами, жителями низовий Амура и Сахалина хорошо просматриваются в антропологических исследованиях М.Г. Левина. Из его трудов известно, что негидальцы и ороки Сахалина относятся к байкальскому антропологическому типу и в целом обнаруживают сходство с ламутами охотского побережья. Кроме того, т.н. антропологический орокско-негидальский тип достаточно отчётливо выступает в составе ульчей [11, с. 27—28]. В то же время антропологические показатели эвенков Аяно-Майского района Охотского побережья значительно отличаются от негидальцев, ороков Сахалина и ламутов (эвенов) [10, с. 91; 12, с. 58], но по многим признакам сближаются с приморскими орочами [10, с. 97].

Сам факт, что негидальцы и ороки в антропологическом плане байкальского типа оказались очень близкими не только между собой, но и с охотскими эвенами [11, с. 27—28; 13, с. 96—97] свидетельствует о том,

что эвены могли явиться основным этнокомпонентом как ороков Сахалина, так и ещё не сформировавшихся в XVII в. негидальцев [35].

Если Е.А. Крейнович прав и появление эвенов на охотском побережье фиксируется концом XV в. (500 лет тому назад), а время переселения ороков на Сахалин датируется концом XVII в., то можно предположить, что именно эвены, мигрировавшие вдоль охотского побережья на юг — на Амгунь и в низовья Амура, — на протяжении почти 200 лет путём брачных связей с местным населением закладывали основу будущих негидальцев, ороков и части ульчей. Однако негидальцев в XVII в. перекрыла мощная миграционная волна удских тунгусов (эвенков), что отразилось на их дальнейшей культуре и северном диалекте тунгусо-маньчжурского языка. Предки ороков в процессе этногенетических и этнокультурных контактов с мангунами Амура изменили свой язык, освоили рыболовство и обрели многие элементы духовной культуры, характерные для этносов южной группы тунгусо-маньчжурских языков. В XVII в. они мигрировали на Сахалин, подальше от русских и маньчжуров [36], где для них открылись новые возможности для всестороннего исторического, социально-экономического и культурного развития.

Если предки охотских ламутов, современных эвенов, действительно могли составить этническую основу ороков Сахалина, то от этого процесса должны остаться какие-то существенные следы, позволяющие сделать положительные выводы. Этимология этнонима могла бы указать на тот народ, представители которого много веков тому назад оказались в низовьях Амура, а затем и на Сахалине. На мой взгляд, для поиска нужного народа следует использовать любую информацию, которая могла бы натолкнуть на мысль, кому принадлежал тот или иной этноним (экзоним). В данном случае нас интересуют названия *ольчи*, *ульчи* и *ульты*, звучание и этимология которых занимают умы исследователей уже более 100 лет.

Б.А. Васильев, изучавший ороков Сахалина, в своей статье приводит интересный разговор о предках сахалинских ороков: «Мы слышали, — говорили ороки, — нам тунгусы говорили, что на материке, ближе к Камчатке где-то есть настоящие улта с оленями» [2, с. 8]. В другой раз исследователь узнал от ороков и тунгусов, что настоящие ульта, т.е. с оленями, живут где-то на севере Охотского побережья [2, с. 5]. Известно, что там, ближе к Камчатке, уже 300—500 лет, по определению Крейновича, обитают ольские и арманские эвены-рыболовы, которые до сих пор занимаются оленеводством.

У.Г. Попова отмечает, что жители селений Армань и Ола в исторической литературе известны под названиями *арманцев* и *ольчан*, которые, поселившись на новом месте, утратили своё самоназвание [25, с. 11], но историческая память об их предках сохраняется в старых топонимах северо-восточной части Дальнего Востока.

И.А. Захарова ещё в 70-е гг. XX в., занимаясь эвенскими топонимами под руководством Ю.А. Сема, обнаружила гидроним Ольчан — приток р. Туманы, впадающей в Охотское море [27, с. 76—78].

Следует сказать, что идентичный гидроним имеется не только в Ольском районе Магаданской области, но и в Тенькинском районе, где р. Ольчан — это левый приток р. Анмангынджа. В том же районе есть р. Ульчан (Ульчен) — правый приток р. Кулу (правый приток р. Колымы, север Хабаровского кр. и Магаданской обл.) [14, с. 290, 382]. Если исходить из этих гидронимов, то местные жители, обитавшие в бассейнах данных рек, будут называться *ольча* и *ульча* без какой-либо связи со словами «орон», «аля» и «уля».

Косвенным подтверждением причастности эвенов к происхождению ороков является образование родовых названий и этнонимов с помощью суффикса -сэл/-сал со значением множественного числа, характерного только для Охотских эвенов, ороков Сахалина, ульчей низовьев Амура и орочей Татарского пролива. Кроме того, нельзя игнорировать и тот факт, что у хорских и самаргинских удэгейцев, в отличие от соседних этносов (кроме корейцев), род называется термином «с», «сэ» [4, с. 284]. Например, *орочисал* — самоназвание орочей [31, с. 56], *эвьсэл (эвьсыл)* — название эвенов (ламуты) [25, с. 5—6; 34, с. 436], Эгдэмсел, Альдусаль, Куйсали, Баявсал, Чайсал, Ульчасал — родовые названия ульчей [29, с. 148—150, 157], Бояуса, Намиса, Валусал и др. — родовые названия ороков. Судя по этнографическим материалам, в этногенезе ороков наиболее чётко прослеживаются связи с эвенами, орочами, ульчами и удэгейцами.

Выше было показано, что, за редким исключением, родовые названия или этнонимы тех или иных этносов возникают из топонимов: оронимов, ойконимов или гидронимов. Общеизвестно, что в Приамурье и Приморье этнические названия связываются только с топонимами. Исходя из этого, можно предположить, что и этноним *ульта* тоже связан с названием той или иной территории, где ранее обитали предки ороков Сахалина.

В своём исследовании Л.И. Шренк, описывая расселение орочей по р. Хунгари, сообщает, что по течению р. Хонгар до впадения р. Ульджи, кроме деревни Ультур, есть ещё пять селений орочей: Одоме, Уй-одоме, Пир, Джигдана и Ульды [39, с. 24—25]. Гидроним Ульджа (Ульджа = Ульза = Ульда — А.С.), ойконимы Джигдана и Ульды представляют собой сложные слова, образованные из основ «—зу(г)» — «жилище, дом» [33, с. 267]; «ули» — «река» [34, с. 260] + «дā / зā» (Ольские и Охотские эвены), «дāн» (Урм. эвенки) — «родственники по свойству» [33, с. 183, 239]. Таким образом, этимология гидронима Ульджа может означать «река близких родственников», а селения Джигдана и Ульда — «поселения близких родственников». Название деревни Ультур также представляет собой сложное слово, состоящее из основы «ули-» — «река большая» (орочи) + «тур» — «земля, местность» (Охотские эвены) [34, с. 217, 260]. Сочетание слов «река» + «местность» явно указывает на перевод этого ойконима — «речная местность» или «речная долина». Исходя из аналогии формирования терминов у арманских эвенов («зу» — «дом» + «тур» — «место / местность» = «зутур» — домовитый [33, с. 267]), ойконим Ультур («уль» — «река» + «тур» — «место» = «речной») без всяких натяжек тоже будет означать «речная местность» или «речной».

Если исходить из того, что в языке кур-урмийских, сахалинских и чумиканских эвенков русское слово «эхо» звучит как [улта], а у охотских и ольских эвенов — [улдан] [34, с. 263], чётко виден процесс замены звука [т] на [д]. Это значит, что какая-то группа эвенов, оказавшись на р. Хунгари, вступила в брачные связи с орочами и, обосновавшись на безымянной реке, назвала её Ульджа, а селение на берегу этой реки — Ульда. После этого орочи из селений Ульдья (Ульда) и Ультур, оказавшись на Сахалине и вступив в контакт с эвенками, огласили, что они ранее жили на р. Ульджа в селении Ульда. Для слуха эвенка слово «Ульда» было воспринято как «Ульга». Отсюда, на мой взгляд, и появилось название Ульга, которое впоследствии стало одним из этнонимов сахалинских ороков.

Приведённое написание ороческих ойконимов и гидронимов Ультур, Ульдья и Ульджа вполне могло стать основой для этнонима Ульга. Аналогичный пример есть в этнической истории негидальцев, прошлым местом обитания которых были оз. Нейдаль (Орель) и впадающая в него р. Негди. В 30 вёрстах от её устья р. Негди имелось и негидальское селение Негди, которое размещалось недалеко от Амура [20, с. 144—145, 154; 39, с. 16]. Шренк писал: «Я готов даже думать, что „Негда“ и есть имя, которым этот народ сам называет себя» [39, с. 158]. Вслед за Шренком я могу с уверенностью сказать, что гидроним Ульджа и ойконимы Ульдья (Ульда) и Ультур явились основой для этнического имени ороков Сахалина, ставшего известным с 1928 г. в написании *ульта*.

Исходя из анализа этнических названий народов низовьев Амура и Сахалина, я пришёл к следующему выводу. Экзонимы *ольчи* и *ульчи* — это не только имена мангунов, жителей низовий Амура и ороков Сахалина, как думали в XIX—XX вв., но и разностороннее отражение многовековой истории разных народов южной части Дальнего Востока России:

- *мангуны* вобрали в свой состав древнее аборигенное и средневековое население Амура, а также пришлых тунгусов и впоследствии стали известны под этнонимами *ольчи* и *ульчи*;
- *ольчи*, вошедшие в состав мангунов, явились основой нового этноса, ставшего известным на Сахалине под экзонимом *ороки*;
- *ороки*, обладавшие своим языком и культурой, с приобретением этнической территории и формированием этнического самосознания, выражавшегося в этнонимах *ольчи*, затем *ульчи* и в последнем этнониме *ульта*, открыли новый этап в становлении своей истории и развитии культуры;
- *ульчи* — этноним, которым в конце 1920-х гг. ошибочно были названы жители низовьев Амура, именовавшие себя *нани*.

Заканчивая обзор и анализ этнических названий народов низовьев Амура и Сахалина, нужно сказать, что проблема этногенеза ороков Сахалина для её дальнейшего решения нуждается в комплексном подходе специалистов разных направлений — этнографов, филологов, географов, историков и др.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Арсеньев В.К., Титов Е.И. Быт и характер народностей Дальневосточного края. Хабаровск — Владивосток: Книжное дело, 1928. 84 с.
2. Васильев Б.А. Основные черты этнографии ороков. Предварительный очерк по материалам экспедиции 1928 г. // Этнография, 1929. № 1. С. 3—22.
3. Временное положение об управлении туземных народностей и племён северных краин РСФСР // Статус малочисленных народов России: Правовые акты. М., 1999. Кн. 2. С. 26—32.
4. Гирфанова А.Х. Словарь удэгейского языка. СПб: Наука, 2001. 476 с.
5. Глуздовский В. Catalogue de Museum de Societe pour etudier la region de l'Amour. «Каталог Музея Общества изучения Амурского края» // Записки ОИАК (Владивостокского Отделения Приамурского Отдела Императорского Русского Географического Общества). Владивосток, 1907. Т. XI. Ч. I. 127 с.
6. Золотарёв А.М. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск: Дальгиз, 1939. 206 с.
7. Исторические отчёты физико-географических исследований начальника физического отдела Сибирской экспедиции магистра Ф.Б. Шмита и его помощника П.П. Глена. СПб, 1868. 119 с.; 3 карты.
8. Крейнович Е.А. Из истории заселения Охотского побережья (По данным языка и фольклора эвенских селений Армань и Ола) // Страны и народы Востока. Страны и народы бассейна Тихого океана. М.: Наука, 1979. Вып. 20. Кн. 4. С. 186—201.
9. Ларькин В.Г. Этнографическое изучение иманских и хунгарийских удэгейцев // Труды ДВФ СО АН СССР им. В.Л. Комарова. Серия историческая. Саранск, 1959. Т. 1. С. 193—208.
10. Левин М.Г. Антропологические типы Охотского побережья // Труды ИЭ им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. Т. 2. С. 84—102.
11. Левин М.Г. Антропологические исследования на Амуре и Сахалине // Краткие сообщения Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Вып. 5. С. 27—28.
12. Левин М.Г. Антропологические типы Сибири и Дальнего Востока: (к проблеме этногенеза народов Северной Азии) // Советская этнография. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. № 2. С. 53—64.
13. Левин М.Г. Этническая антропология и проблема этногенеза народов Дальнего Востока // Труды ИЭ им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 36: Труды северо-восточной экспедиции. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Вып. 2. 360 с.
14. Леонтьев В.В., Новикова К.А. Топонимический словарь северо-востока СССР. Магадан: Кн. изд-во, 1989. 457 с.
15. Липский А.Н. Краткий обзор маньчжуро-тунгусских племён бассейна Амура // Первый туземный съезд Д.В.О. (протоколы съезда с вводной статьёй А. Липского). Хабаровск, 1925. С. V—LI.
16. Лопатин И.А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские: опыт этнографического исследования // Зап. ОИАК ВОПОРГО. Владивосток, 1922. Т. 17. 370 с.
17. Лукс К.Я. Туземное административное и кооперативное районирование низовьев Амура // Туземное хозяйство низовьев Амура в 1927—28 гг. (по материалам обследования 1928 г.). Издание Дальохотсоюза и Далькрайсоюза. Хабаровск — Благовещенск: Далькрайлит, 1929. С. 82—92.
18. Мангу, или Мангуны // Географическо-статистический словарь Российской империи составил по поручению ИРГО действительный член общества П. Семёнов при содействии действительных членов В. Зверинского и Л. Майкова. СПб., 1867. Т. 3. С. 165.

19. Миссонова Л.И., Соколова З.П. Феномен устойчивости этнической идентификации уйльта в контексте этнонимической истории народов Севера (конец XIX — начало XXI в.) // Этнографическое обозрение, 2006. № 1. С. 129—145.
20. Невельской Г.И. Подвиги русских морских офицеров на Крайнем Востоке России 1849—1855. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1969. 424 с.
21. Патканов С.К. Опыт географии и статистики тунгусских племён Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников. Прочие тунгусские племена // Записки ИРГО по отделению этнографии. СПб., 1906. Т. 31. Ч. 2. 207 с.
22. Петрова Т.И. Язык ороков (ульга). Л.: Наука, 1967. 156 с.
23. Письма г. Брылкина с Сахалина // Записки Сибирского Отделения РГО. Иркутск, 1864. Т. 7. Отд. 1. С. 1—54.
24. Поляков И.С. Путешествие на остров Сахалин в 1881—1882 гг. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1883. 112 с.
25. Попова У.Г. Эвены Магаданской области: Очерки истории, хозяйства и культуры эвенов Охотского побережья 1917—1977 гг. М.: Наука, 1981. 304 с.
26. Сем Ю.А. Проблема происхождения ороков Сахалина // Общие закономерности и особенности исторического развития народов советского Дальнего Востока (с древнейших времён до наших дней). Владивосток: ДВФ им. В.Л. Комарова СО АН СССР, 1965. С. 79—87.
27. Сем Ю.А., Захарова И.А. Эвенская топонимика // Филология народов Дальнего Востока (ономастика). Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1977. С. 74—85.
28. Смоляк А.В. К вопросу о происхождении ороков // Краткие сообщения Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 21. С. 33—38.
29. Смоляк А.В. Состав, происхождение и расселение ульчских родов (середина XIX — вторая четверть XX в.) // Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия: Сибирский этнографический сборник № 5. М.: АН СССР, 1963. Т. 84. С. 142—167.
30. Смоляк А.В. Ульчи. Хозяйство, культура и быт в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1966. 291 с.
31. Смоляк А.В. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина (середина XIX — начало XX в.). М.: Наука, 1975. 232 с.
32. Смоляк А.В. О взаимных культурных влияниях народов Сахалина и некоторых проблемах этногенеза // Этногенез и этническая история народов Севера. М.: Наука, 1975. С. 43—77.
33. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: материалы к этимологическому языку. Л.: Наука, 1975. Т. 1. 672 с.
34. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: материалы к этимологическому языку. Л.: Наука, 1977. Т. 2. 992 с.
35. Старцев А.Ф. Этногенез и этническая история негидальцев // Вестник ДВО РАН. Владивосток, 2012, № 1. С. 108—113.
36. Старцев А.Ф. Время переселения предков уйльта на Сахалин // Традиционная культура населения Сибири и Дальнего Востока: изучение, сохранение, популяризация / Материалы 4-х Кузнецовских чтений (Чита, 11—13 апр. 2012 г.). Чита, 2012. С. 160—165.
37. Туголуков В.А. Этногенез и этническая история // История и культура эвенов: историко-этнографические очерки. СПб.: Наука, 1997. С. 13—57.
38. Туземное хозяйство низовий Амура в 1927—28 гг. (по материалам обследования 1928 г.). Хабаровск; Благовещенск: Издание Дальохотсоюза и Далькрайсоюза, 1929. 151 с.

39. Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края: части географическо-историческая и антропо-этнологическая. СПб.: Издание императорской Академии наук, 1883. Т. 1. 324 с.
40. Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны: статьи и материалы. Хабаровск: Дальгиз, 1933. 740 с.
41. Schmidt P. The language of olchas. Acta Universitatis Latviensis. Riga, VIII, 1927.

REFERENCES

1. Arsen'ev V.K., Titov E.I. *Byt i harakter narodnostej Dal'nevostochnogo kraja* [Way of life and nature of ethnicities of the Far-Eastern region]. Khabarovsk—Vladivostok, Knizhnoe delo Publ., 1928. 84 p. (In Russ.)
2. Vasil'ev B.A. Osnovnye cherty etnografii orokov. Predvaritel'nyj ocherk po materialam ekspedicii 1928 g. [Essential ethnographical traits of Oroks. A provisional essay based on materials of an ethnographical expedition of 1928]. *Etnografija*, 1929, no. 1, pp. 3—22. (In Russ.)
3. Vremennoe polozhenie ob upravlenii tuzemnyh narodnostej i plemen severnyh okrain RSFSR [Temporary provision on management of indigenous ethnicities and tribes of North outskirts of the RSFSR]. *Status malochislennyh narodov Rossii: Pravovye akty*. Kn. 2. Moscow, 1999, pp. 26—32. (In Russ.)
4. Girfanova A.H. *Slovar' udegejskogo jazyka* [Udege language dictionary]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2001, 476 p. (In Russ.)
5. Gluzdovskij V. Katalog Muzeja Obshhestva izuchenija Amurskogo kraja [Catalogue of Amur Region's Research Society Museum]. *Zapiski OIAK (Vladivostokskogo Otdelenija Priamurskogo Otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshhestva)* [Notes of Vladivostok Division, Amur Department of Imperial Russian Geographical Society]. Vladivostok, 1907, T. XI. Chast' I., 127 p. (In Russ.)
6. Zolotarev A.M. *Rodovoj stroj i religija ul'chej* [Patrimonial structure and religion of Ulchs]. Habarovsk, Dal'giz Publ., 1939, 206 p. (In Russ.)
7. *Istoricheskie otchety fiziko-geograficheskikh issledovanij nachal'nika fizicheskogo otdela Sibirskoj ekspedicii magistra F.B. Shmita i ego pomoshhnika P.P. Glena* [Historical reports of physical and geographical research performed by head of physical department of regional office, master F.B. Shmit and his assistant P.P. Glen]. Saint Petersburg, 1868, 119 p. (In Russ.)
8. Krejnovich E.A. Iz istorii zaselenija Ohotskogo poberezh'ja (Po dannym jazyka i fol'klora evenskih selenij Arman' i Ola) [From the settlement history of Sea of Okhotsk coast (On language and folklore data of Even people's settlements Arman and Ola)]. *Strany i narody Vostoka. Strany i narody bassejna Tihogo okeana*. Moscow, Nauka Publ., 1979, vyp. 20, kn. 4, pp. 186—201. (In Russ.)
9. Lar'kin V.G. Etnograficheskoe izuchenie imanskih i hungarijskih udegejcev [Ethnographical research of Iman and Hungari Udege people]. *Trudy DVF SO AN SSSR im. V.L. Komarova. T. 1. Serija istoricheskaja* [Papers of the V.L. Komarov Far-Eastern Branch, Siberian Division of Academy of Sciences of USSR. Historical series]. Saransk, 1959, pp. 193—208. (In Russ.)
10. Levin M.G. Antropologicheskie tipy Ohotskogo poberezh'ja [Anthropological types of Sea of Okhotsk coast]. *Trudy IJe im. N.N. Mik-luho-Maklaja. Novaja serija* [Papers of N.N. Miklukho-Maklay Ethnography Institute. New series]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1947, pp. 84—102. (In Russ.)
11. Levin M.G. Antropologicheskie issledovanija na Amure i Sahaline [Anthropological research on Amure and Sakhalin]. *Kratkie soobshhenija Instituta etnografii im. N.N. Mikluho-Maklaja. Vyp. 5* [Brief reports of N.N. Miklukho-Maklay Ethnography Institute. Vol. 5]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1949, pp. 27—28. (In Russ.)

12. Levin M.G. Antropologicheskiye tipy Sibiri i Dal'nego Vostoka: (k probleme etnogeneza narodov Severnoj Azii) [Anthropological types of Siberia and Far East (On the ethnogenesis problem of North Asia peoples)]. *Sovetskaja etnografija*. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1950, no. 2, pp. 53—64. (In Russ.)
13. Levin M.G. Etnicheskaja antropologija i problema etnogeneza narodov Dal'nego Vostoka [Ethnical anthropology and ethnogenesis problem of Far-Eastern peoples]. *Trudy IJe im. N.N. Mikluho-Maklaja. Novaja serija. Vyp. 2. T. 36. Trudy severo-vostochnoj ekspedicii* [Papers of N.N. Miklukho-Maklay Ethnography Institute. New series. № 2. Vol. 36: Papers of North-East regional office]. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1958, 360 p. (In Russ.)
14. Leont'jev V.V., Novikova K.A. *Toponimicheskij slovar' severo-vostoka SSSR* [Toponymic vocabulary of the North-East of USSR]. Magadan, Kn. Izd-vo Publ., 1989, 457 p. (In Russ.)
15. Lipskij A.N. Kratkij obzor man'chzhuro-tungusskih plemen bassejna Amura [Brief review of Amur basin's Tungus tribes]. *Pervyj tuzemnyj sjezd D. V. O. Habarovsk*, 1925, pp. V—LI. (In Russ.)
16. Lopatin I.A. Gol'dy amurskie, ussurijskie i sungarijskie: opyt etnograficheskogo issledovaniya [Amur, Ussuri and Sungari Goldi: An ethnographical research experience]. *Zap. OIAK VOPORGO. T. 17. Vladivostok*, 1922, 370 p. (In Russ.)
17. Luks K.Ja. Tuzemnoe administrativnoje i kooperativnoje rajonirovanie nizov'jev Amura [Indigenous administrative and cooperative zoning of lower-reach Amur]. *Tuzemnoe hoz'ajstvo nizov'jev Amura v 1927—28 g. (po materialam obsledovaniya 1928 goda)*. Habarovsk—Blagoveshensk, Dal'krajlit Publ., 1929, pp. 82—92. (In Russ.)
18. Mangu, ili Manguny [Mangus, or Manguns]. *Geograficheskij slovar' Rossijskoj imperii*, T. 3. Saint Petersburg, 1867, 165 p. (In Russ.)
19. Missonova L.I., Sokolova Z.P. Fenomen ustojchivosti etnicheskoj identifikacii ujl'ta v kontekste etnonimicheskoj istorii narodov Severa (konec XIX — nachalo XXI v.) [Phenomenon of ethnical identification's stability of Uilta in the context of economic history of North peoples (late 19th — early 21st century)]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2006, no. 1, pp. 129—145. (In Russ.)
20. Nevel'skoj G.I. *Podvigi russkih morskich oficerov na Krajnem Vostoke Rossii 1849—1855* [Heroic deeds of Russian navy officers in the Russian Far East in 1849—1855]. Habarovsk, Habarovskoe kn. izd-vo Publ., 1969, 424 p. (In Russ.)
21. Patkanov S.K. Opyt geografii i statistiki tungusskih plemen Sibiri na osnovanii dannyh perepisi naselenija 1897 g. i drugih istochnikov. Prochie tungusskie plemena [An experience of geography and statistics of Siberian Tungus tribes based on 1897 population census data and other sources. Other Tungus tribes]. *Zapiski IRGO po otdeleniju etnografii. T. 31. Part 2*. Saint Petersburg, 1906, 207 p. (In Russ.)
22. Petrova T.I. Jazyk orokov (ul'ta) [Orok (Ulta) language]. Leningrad, Nauka Publ., 1967, 156 p. (In Russ.)
23. Pis'ma g. Brylkina s Sahalina [Citizen Brylkin's letters from Sakhalin]. *Zapiski Sibirskogo Otdelenija RGO. T. 7. Otd. I*. Irkutsk, 1864, pp. 1—54. (In Russ.)
24. Poljakov I.S. *Puteshestvije na ostrov Sahalin v 1881—1882 gg.* [A journey to Sakhalin island in 1881—1882]. Saint Petersburg, Tipografija A.S. Suvorina Publ., 1883, 112 p. (In Russ.)
25. Popova U.G. *Eveny Magadanskoj oblasti: Oчерki istorii, hoz'ajstva i kul'tury evenov Ohotskogo poberezh'ja 1917—1977 gg.* [Even people of Magadan Oblast: Essays on history, economic setup and culture of Even people of Sea of Okhotsk coast of 1917—1977]. Moscow, Nauka Publ., 1981, 304 p. (In Russ.)
26. Sem Ju.A. Problema proishozhdenija orokov Sahalina [The origin problem of Sakhalin Oroks]. *Obshhie zakonomernosti i osobennosti istoricheskogo razvitiya narodov sovetskogo Dal'nego Vostoka (s drevnejshih vremen do nashih dnei)*. Vladivostok, DVF im. V.L. Komarova SO AN SSSR Publ., 1965, pp. 79—87. (In Russ.)

27. Sem Ju.A., Zaharova I.A. Evenskaja toponimika [Even people's toponymy]. *Filologija narodov Dal'nego Vostoka (onomastika)*. Vladivostok, DVNC AN SSSR Publ., 1977, pp. 74—85. (In Russ.)
28. Smol'ak A.V. K voprosu o proishozhdenii orokov [On the origin problem of Oroks]. *Kratkije soobshhenija Instituta etnografii. N.N. Mikluho-Maklaja. T. 21* [Brief reports of N.N. Miklukho-Maklay Ethnography Institute. Vol. 21]. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1954, pp. 33—38. (In Russ.)
29. Smol'ak A.V. Sostav, proishozhdenije i rasselenije ul'chskih rodov (seredina XIX — vtoraja chetvert' XX v.) [Composition, origin and settlement of Ulch families (middle 19th — second quarter of the 20th century)]. *Trudy Instituta etnografii im. N.N. Mikluho-Maklaja. T. 84. Novaja serija: Sibirskij etnograficheskij sbornik no. 5*. [Papers of N.N. Miklukho-Maklay Ethnography Institute. New series: Siberian ethnographical collection no. 5]. Moscow, AN SSSR Publ., 1963, pp. 142—167. (In Russ.)
30. Smol'ak A.V. *Ul'chi. Hoz'ajstvo, kul'tura i byt v proshlom i nastojashhem* [Ulch people. Economy, culture and everyday life in the past and present]. Moscow, Nauka Publ., 1966, 291 p. (In Russ.)
31. Smol'ak A.V. *Etnicheskije processy u narodov Nizhnego Amura i Sahalina (seredina XIX — nachalo XX v.)* [Ethnical processes in peoples of lower-reach Amur and Sakhalin: middle of the 19th — early 20 century]. Moscow, Nauka Publ., 1975, 232 p. (In Russ.)
32. Smol'ak A.V. O vzaimnyh kul'turnyh vlijanijah narodov Sahalina i nekotoryh problemah jetnogeneza [On mutual cultural influences of Sakhalin peoples and some ethnogenesis problems]. *Etnogenez i etnicheskaja istorija narodov Severa*. Moscow, Nauka Publ., 1975, pp. 43—77. (In Russ.)
33. *Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskih jazykov: materialy k etimologicheskomu jazyku. T. 1*. [Comparative vocabulary of Tungus languages: Materials for etymological language. Vol. 1]. Leningrad, Nauka Publ., 1975, 672 p. (In Russ.)
34. *Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskih jazykov: materialy k etimologicheskomu jazyku. T. 2*. [Comparative vocabulary of Tungus languages: Materials for etymological language. Vol. 2]. Leningrad, Nauka Publ., 1977, 992 p. (In Russ.)
35. Starcev A.F. Etnogenez i etnicheskaja istorija negidal'cev [Ethnogenesis and ethnical history of Negidals]. *Vestnik DVO RAN*. Vladivostok, 2012, no. 1, pp. 108—113. (In Russ.)
36. Starcev A.F. Vrem'a pereselenija predkov ujl'ta na Sahalin [Period of Uilta ancestry migration to Sakhalin]. *Tradicionnaja kul'tura naselenija Sibiri i Dal'nego Vostoka: izučenie, sohranenie, popularizacija. Materialy 4-h Kuznecovskih chtenij (Chita, 11—13 apr. 2012 g.)* [Traditional culture of Siberian and Far-Eastern population: research, preservation, popularization. Materials of the 4th Kuznetsov Lectures (Chita, April 11—13, 2012)]. Chita, 2012, pp. 160—165. (In Russ.)
37. Tugolukov V.A. Etnogenez i etnicheskaja istorija [Ethnogenesis and ethnical history]. *Istorija i kul'tura evenov: istoriko-etnograficheskie očerki*. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1997, pp. 13—57. (In Russ.)
38. *Tuzemnoe hoz'ajstvo nizovij Amura v 1927—28 gg. (po materialam obsledovanija 1928 g.)* [Economy in indigenous peoples of lower-reach Amur in 1927—1928: based on materials of research of 1928]. Habarovsk; Blagoveshhensk, Izdanie Dal'ohotsojuza i Dal'krajsojuza Publ., 1929, 151 p. (In Russ.)
39. Shrenk L.I. *Ob inorodcah Amurskogo kraja: chasti geograficheskio-istoricheskaja i antropo-etnologicheskaja. T. 1*. [On indigenous dwellers of Amur region: the geographical and historical part and anthropological and ethnological part]. Saint Petersburg, Izdanie imperatorskoj Akademii nauk Publ., 1883, 324 p. (In Russ.)
40. Shternberg L.Ja. *Gil'aki, orochi, gol'dy, negidal'cy, ajny: stat'i i materialy* [Gilyaks, Orochs, Goldi, Negidals, Ainu: papers and materials]. Habarovsk, Dal'giz Publ., 1933, 740 p. (In Russ.)
41. Schmidt P. *The language of olchas*. Acta Universitatis Latviensis. Riga, VIII, 1927. (In Eng.)